

Книжная полкаBook Reviews

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-123-129

Путешествие во времени
Рецензия на книгу А.Н. Мещерякова
«Япония. В погоне за ветром столетий»

Е.Б. Сахарова

Аннотация. Статья посвящена обзору сборника статей А.Н. Мещерякова «Япония. В погоне за ветром столетий» (Москва: «Лингвистика», 2022, 512 с. ISBN 978-5-91922-098-5). Хронологический и тематический охват статей необычайно широк, многие явления и феномены японской истории и культуры рассматриваются на протяжении нескольких/или многих столетий, и предстают поэтому выпукло, во всем своем многообразии и изменчивости. При этом судьбы отдельных людей не теряются на фоне масштабных историко-культурных перемен, их голоса автор бережно доносит до читателя. Всё это делает чтение сборника настоящим путешествием во времени.

Ключевые слова: древняя и средневековая Япония, историческая демография, восприятие Японии в СССР и России, средневековые японские сады, период Мэйдзи, период Токугава, проблемы национальной идентичности, японский тоталитаризм.

Автор: Сахарова Евгения Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (адрес: 106066 Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 3, каб. Л-212). E-mail: esakharova@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сахарова Е.Б. Путешествие во времени. Рецензия на книгу А.Н. Мещерякова «Япония. В погоне за ветром столетий» // Японские исследования. 2022. № 4. С. 123–129. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-123-129

Journey in time
Review of the book “Japan. Chasing the Wind of Centuries”
by Alexander N. Mescheryakov

Е.Б. Sakharova

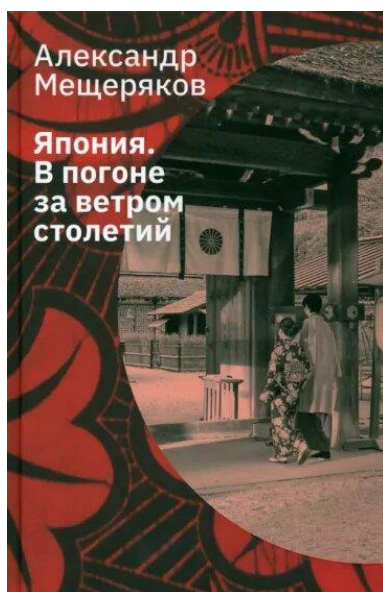
Abstract. The article reviews the book by Alexander Mescheryakov “Japan. Chasing the Wind of centuries” (Moscow: Lingvistika, 2022, 512 p. ISBN 978-5-91922-098-5). The monograph is a collection of the author’s recent articles. The range of topics and the chronological coverage are extraordinarily wide, with many phenomena of Japanese history and culture considered throughout centuries and portrayed in enormous diversity and variability. At the same time, the fates of individual people are not lost in the context of large-

scale historical and cultural changes, and the author carefully brings us their voices. This makes the book a real journey in time.

Keywords: ancient and medieval Japan, historical demography, perception of Japan in the USSR and Russia, medieval Japanese gardens, Tokugawa period, Meiji period, totalitarianism in Japan, problems of national identity.

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Sakharova E.B. (2022). Puteshestviye vo vremeni. Retseziya na knigu A.N. Meshcheryakova «Yaponiya. V pogone za vetrom stoletiy» [Journey in time. Review of the book “Japan. Chasing the Wind of Centuries” by Alexander N. Meshcheryakov]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2022, 4, 123–129. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-123-129

Этот сборник¹ непосвящённый легко принял бы за коллективный труд, столь широк хронологический и тематический охват научных статей о Японии, представленных в нём. От древности до XX столетия, от осмысления природы и садового искусства в традиционной Японии до всемирных выставок и олимпиад в контексте национальной идентичности. Собранные под одной обложкой исследования последнего десятилетия уже публиковались, но многие в редких и/или малотиражных изданиях, и потому остались неизвестными широкому кругу читателей.

Книга построена следующим образом – открывается авторским предисловием, все статьи распределены по четырём разделам – Земля, Люди, Идеи и Отражения. Завершает книгу список библиографии и список литературы.

Чтение сборника – настоящее путешествие во времени. Ветер разных эпох надувает паруса, и читатель не только воочию видит, как изменчива культура, но также и как устойчивы её несущие конструкции. Научная новизна и ясное, живое и художественное изложение делают его интересным как специалистам, так и всем интересующимся японской историей и культурой.

Люди, жившие на японской земле на протяжении почти полутора тысяч лет, не теряются в общем историко-культурном контексте, всегда, однако, учтённом и чётко прописанном в статьях, а оживают со своими достоинствами и недостатками; автор пристально вглядывается в них, даёт им высказаться, вступает в диалог и бережно доносит до читателя их голоса, контекст, детали и превратности их жизни.

Вот как сам Александр Николаевич Мещеряков определяет задачи историка в предисловии к книге:

«Историк ничего не изобретает, его предназначение состоит в том, чтобы сохранить память о прошлом. <...> Историк – это тот же самый реаниматолог. Его знание воскрешает людей из тьмы веков, даёт им новую жизнь, выводит на свет» (с. 9).

Вглядываясь в минувшие события, автор находит место и для улыбки, и для изумления, и для горечи. Читатель же, благодаря многолетним трудам и «странствиям» автора, волен –

¹ Это не первый сборник статей А.Н. Мещерякова разных лет. См. [Мещеряков 2010].

пусть и ненадолго – оседлать ветер прошлого, увидеть стремительную и зачастую зловещую поступь истории, понять и чувствовать, каково жилось тогдашним японцам.

Итак, ниже приводим краткий обзор-путеводитель по сборнику.

«Земля». В разделе рассматривается осмысление в древней Японии природных катастроф, описывается эволюция представлений о море в японской культуре, анализируется по каким принципам, как и с какими целями устраивались сады в средневековой Японии, рассказывается об истоках солярной символики в древности и средние века, а также о том, почему эта символика не утратила своей актуальности и по сей день, что нашло отчётливое отражение в японском национальном флаге и в самоназвании страны.

На летописном материале показано, что японские императоры считали себя ответственными за стихийные бедствия сами по себе, а не только за устранение их последствий. У уходящей корнями в китайские философско-политические представления модели была и обратная сторона, поскольку японскому императору предписывалось соблюдение «ритуальной чистоты», в его отношении действовало множество запретов и табу, существенно осложнявших функционирование придворной жизни. В следующей статье анализируется как менялось восприятие природных катаклизмов в эпоху Хэйан. Бедствия (и их последствия) многократно гиперболизировались, «благодаря» вере в близкий конец буддийского Закона и центробежным тенденциям в системе государственного управления.

Представления о море в японской культуре, рассмотренные за период с древности и до середины XX в., оказались так же изменчивы, как и сама морская стихия, проделав путь от восприятия его как очистительной и креационной стихии до моря разделяющего, неконтролируемого и низменного, в силу чего и социальные страты, связанные с морем (например, рыбаки), обладали более низким статусом в социальной иерархии. В эпоху Токугава, однако, море получает положительные коннотации в японской культуре, теперь оно воспринимается как защита от чужеземных вторжений. Коренная ломка прежних геополитических моделей в период Мэйдзи порождает и переосмысление моря, теперь воспринимающегося как соединяющая стихия, а развитие мореплавания впервые (!) становится делом государственной важности. Агрессивная экспансионистская политика конца XIX – первой половины XX вв. также способствовала формированию положительных характеристик, приписываемых морю. Тем не менее, нынешняя Япония, похоже, вернулась к более традиционным представлениям о море.

Анализ столь актуальной для Японии солярной символики также проделан на обширном источниковедческом материале за период с древности до эпохи Токугава включительно. О том, насколько важна и укоренена была эта тема в японской культуре, свидетельствует такой парадоксальный случай. Один из самых активных традиционалистов эпохи Токугава Хирата Ацутанэ (1776–1843) охотно принял гелиоцентрическую систему Коперника, ведь, с его точки зрения, она подтверждала центральное положение богини Солнца (Аматэрасу), верховного божества и прародителя императорского рода (с. 83).

Две статьи посвящены японским садам. Здесь автор выходит далеко за рамки чисто эстетического подхода и с опорой на исторические источники убедительно показывает, что изначально эстетическая составляющая вовсе не была ведущей, а также рассматривает конкретные примеры амидаистских садов, соотношение влияния буддизма и более ранних

представлений на принципы их устройства. Уделяется внимание изучению оборонительных, оберегающих хозяина функций сада.

«Люди». В трёх статьях раздела через историческую призму рассматриваются проблемы демографии с эпохи Токугава до послевоенного времени. Автор отмечает, что японский материал не укладывается в классические европейские демографические модели, описывающие переход от традиционного общества к современному, и уделяет особое внимание недооцененному в историографии влиянию идеологии на демографические процессы. Так, метафора государства как семьи во главе с императором и провозглашение именно семьи основой государства имели далеко идущие демографические последствия. А всё большая милитаризация японских властных структур в 1930-е гг. привела к блокированию инициатив по внедрению контроля рождаемости: страна остро нуждалась в людских ресурсах для осуществления масштабных геополитических проектов. В послевоенное время власти (оккупационные и собственно японские) начинают ратовать за снижение рождаемости и внедрение планирования семьи. Благодаря такому новаторскому подходу становятся понятнее колоссальные социально-экономические последствия и мировоззренческие сдвиги, произошедшие в результате той или иной демографической политики властей как на уровне отдельно взятой семьи, так и в масштабах всего общества.

В ещё одной статье этого раздела прослежены изменения традиционного идеала женской красоты в период Мэйдзи, когда европейские ценности потеснили привычные японские стандарты. Разумеется, процесс не был линейным, и многие японские мужчины тосковали по прежним идеалам. Также представлены результаты сопоставительного анализа образа «героя» в СССР и Японии в годы Второй мировой войны: выделяются основные параметры для сопоставления (национальность, возраст, социальный состав, родители героя, совершённый подвиг) и соответственно типичные характеристики героев. Разумеется, в чём-то японский и советский «герой» сходны, но есть и важные отличия. Например, безродность или сиротский статус/неполная семья, характерны для советского героя, в то время как японские герои всегда выходцы из полной семьи. В статье об основателе японской этнологии – Янагита Кунио (1875–1962) анализируется как личность и сложный, неуживчивый и авторитарный характер определяли научную деятельность этого учёного и влияли на созданные им концепции и идеи, заставляли его почти всегда идти против течения. Автор даёт живой без ретуши портрет Янагита – человека сильного и независимого, но неуживчивого; исследователя-новатора, который, однако, органически не мог удерживаться в строго научных рамках.

«Идеи». Открывает раздел статья о концепции «души слова», наибольшее внимание уделено тому, какие именно тексты в древности считались наделёнными «душой слова». Это позволяет увидеть, как менялась трактовка этой концепции – от представления, что «душой слова» обладают сакральные тексты на японском языке и вплоть до признания японского языка лучшим в мире в эпоху японского тоталитаризма XX в. В статье об известном конфуцианце Нисикава Дзёкэн (1648–1724), принадлежавшем к купеческому сословию, рассматриваются взгляды этого учёного на буддистов, в значительной мере утративших влияние в эпоху Токугава. Данная Нисикава оценка демонстрирует гораздо более терпимое и мягкое отношение к буддизму и его адептам в Японии эпохи Токугава, чем можно было бы

ожидать. В этом отношении японская ситуация существенно отличается от китайской и корейской.

Из статьи об автобиографии Фукудзава Юкити (1834–1901) читатель узнает, когда в Японии появился жанр автобиографии и как Фукудзава конструировал свой имидж. Автор отмечает, насколько не соответствует действительности расхожий образ Фукудзава (изображение которого помещено на современной купюре номиналом в десять тысяч иен) как гуманиста и просветителя. Кроме того, анализируются попытки конструирования идеализированного «японского характера» в конце XIX – начале XX в.: в центре внимания эссе филолога Хага Яити (1867–1927) «Десять этюдов о национальном характере», однако оно вписано в гораздо более широкий контекст благодаря сопоставлению с более ранними публицистическими высказываниями на данную тему.

Ещё одна статья посвящена тому, как в контексте поисков национальной идентичности физик Тэрада Торахико (1878–1935) осмысляет японскую природу и особенности взаимодействия японцев с ней. Хотя Тэрада был успешным учёным в своей области, в его размышлениях научная картина мира представлена слабо, верх берёт иррациональное и эмоциональное прославление уникальности японцев, по преимуществу за счёт сравнения с другими народами и расами, разумеется, не в пользу последних. Ещё ярче эмоциональный накал, а временами – угар, представлены в статье об эмоциональных трансформациях японцев во второй половине XIX в. – 1945 г. На материале как литературных, так и публицистических и документальных источников рассматривается эмоциональная картина мира японцев, и здесь также основным трендом становится всё большая утрата рационального, критического начала. В двух, безусловно, связанных между собой статьях освещается история токийских олимпиад 1940 и 1964 гг. и особенности устройства Всемирной выставки 1970 г. в Осаке. Хотя олимпиада 1940 г. в итоге не состоялась, процесс подготовки к ней вёлся очень активно и выявил серьёзный культурный диссонанс между японским и международным олимпийскими комитетами. Например, развернулась широкая дискуссия о маршруте олимпийского огня. Японская сторона предлагала зажечь его не в Афинах, а на о. Кюсю, поскольку именно туда, согласно мифу, спустился с Неба потомок богини солнца Аматаэрасу – Ниниги. Также предполагалось зажечь огонь и в святилище Исэ, посвящённом этой богине. В 1964 г. в силу принципиально иной и внутренней, и международной ситуации этот и многие другие вопросы решались уже в ином ключе. Во время проведения всемирной выставки в Осаке мировоззренческие сдвиги играли не меньшую роль. С одной стороны, основным вектором была устремленность в прекрасное будущее, с другой – огромную роль играла этнология, представленная как реальными артефактами народного искусства, так и поэтизированными конструктами, среди которых одно из центральных мест занимала солярная символика, восходящая всё к той же богине Аматаэрасу, но лишённая агрессивного начала.

«Отражения». Раздел посвящён восприятию Японии в России и СССР. Открывает его статья о восприятии хэйанской литературы в СССР и России, то есть с 10-х – 20-х гг. XX в. до нашего времени. Выясняется, что, как и отношение к жемчужине хэйанской литературы, «Повести о Гэндзи», претерпело в Японии существенные изменения – и в период Токугава повесть даже была под запретом как аморальная, так и восприятие хэйанской литературы в России и СССР менялось под воздействием многих факторов.

Эволюционировали и оценки, данные Н.И. Конрадом (1891–1970), одним из зачинателей российского японоведения, революции Мэйдзи. Этой теме посвящена ещё одна статья. Следующая статья рассматривает гендерное восприятие Японии в России и СССР с конца XIX в. и до Второй мировой войны: японки и японцы воспринимались очень по-разному. Если женщины Японии на ранних этапах и позднее зачастую идеализировались, образ мужчины вообще и самураев, в частности, был гораздо менее однозначным.

Одна из статей рассматривает феномен идеализации образа Японии в позднесоветской картине мира, обозначенный автором как «страна для внутренней эмиграции». Удалённое островное положение и представление об уникальности японской культуры, а также крайне малое число прямых контактов между советскими людьми и японцами делали Японию удобным объектом идеализации. Поиски идеалов были закономерным процессом для позднесоветского периода, когда многие ценности размывались и деградировали, но в случае с Японией дело ограничивалось преимущественно утопическими представлениями. Явление япономании оказалось очень живучим, пусть и в других формах, оно продолжает сохраняться и в современной России. Мне, например, доводилось слышать от учителя одной из престижных московских гимназий такой вопрос: «А правда ли, что у японцев своя, совершенно уникальная и отличная от европейцев группа крови?».

Наконец, завершает сборник откровенное эссе-размышление об искусстве перевода. А.Н. Мещерякову доводилось переводить много разных текстов, это и древние, и средневековые японские тексты, и современная японская художественная литература, но готовых рецептов и методик перевода, по мнению автора, нет. Слишком много неизвестных таит встреча автора и переводчика, принадлежащих к разным культурам, а зачастую и к разным эпохам.

Большинство тем и явлений, затронутых в сборнике, рассмотрены с разных ракурсов, нередко на протяжении больших хронологических отрезков. Неудивительно, что многие из них вылились в монографические исследования. Читатели, которым путешествие придётся по душе и которых не оставляет тяга к странствиям в пространстве и времени, найдут выходные данные этих книг в помещенном в самом конце списке библиографии. Тема исторической демографии Японии более полно будет освещена в готовящейся к печати новой книге.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Мещеряков А.Н.* Япония в объятиях пространства и времени. М.: Наталис. 2010. 559 с.
Мещерякова А.Н. Япония. В погоне за ветром столетий. М.: Лингвистика. 2022. 512 с.

REFERENCES

- Mescheryakov, A.N. (2010). *Yaponiya. V ob'yat'yah prostranstva i vremeni* [Japan. In the Embrace of Space and Time]. Moscow: Natalis. (In Russian). ISBN 978-5-8062-0316-9
- Mescheryakov, A.N. (2022). *Yaponiya. V pogone za vetrom stoletii* [Japan. Chasing the Wind of Centuries]. Moscow: Lingvistika. (In Russian). ISBN 978-5-91922-098-5

Поступила в редакцию:	18.09.2022	Received:	18 September 2022
Принята к публикации:	20.10.2022	Accepted:	20 October 2022